

Букаринов Дмитрий Николаевич, Крестьянников Евгений Адольфович

**НАРОДНЫЙ СУД ОМУТИНСКОГО РАЙОНА ОМСКОЙ ОБЛАСТИ В 1938 Г.: СОСТАВ
СЛУЖАЩИХ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

Статья посвящена изучению кадрового обеспечения и вопросов деятельности отдельного провинциального учреждения низового уровня системы правосудия СССР на основе микроисторического подхода. В локальных условиях и узких хронологических рамках исследован один из сибирских народных судов. В результате находит доказательство мнение, что советская юстиция в 1930-х гг. находилась в расстроенном состоянии, вызванном ограниченностью возможностей государства и общественных ресурсов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/3-2/7.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2016. № 3(65): в 2-х ч. Ч. 2. С. 31-34. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hlist@gramota.net

И у России, и у Японии, у всех восточных народов, – размышлял яснополянский пророк, – есть своя миссия, свое предназначение. Она в том, чтобы люди обрели настоящую жизнь. «Надо познать, в чем смысл человеческого существования. Западные государства гордятся так называемой цивилизацией, которая достигается с помощью машин, но она в действительности ничего не стоит. Народы Востока не пойдут по пути Запада, они должны сами построить себе новый мир. Народы Востока, освободившись от всякого угнетения, свергнув все правительства, должны жить только по законам добра» [Там же, с. 88].

Связи Льва Николаевича Толстого с Востоком были не только свидетельством поистине уникального диапазона его литературных, философских и социально-политических интересов, но и подтверждением всемирного значения русской литературы в частности и русской культуры в целом в мировом контексте.

Список литературы

1. Богомазова Н. Л. Лев Николаевич Толстой в контексте японской культуры // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2012. Вып. 1. С. 66-67.
2. Конрад Н. И. Столетие японской революции // Народы Азии и Африки. М., 1968. № 3. С. 59-71.
3. Мелешко Е. Д. Христианская этика Л. Н. Толстого. М.: Наука, 2006. 309 с.
4. Молодняков В. Э. Россия и Япония: Золотой век. М.: Просвещение, 2008. 176 с.
5. Пospelов Б. В. Некоторые данные о русской литературе в Японии // Японская литература. Исследования и материалы / отв. ред. А. Е. Глускина. М., 1959. С. 136-146.
6. Слобожанин А. В. Антимилитаристские идеи Л. Н. Толстого // Наследие Л. Н. Толстого в гуманитарных парадигмах современной науки: мат-лы XXXIV Международных Толстовских чтений / Тульский гос. пед. ун-т им. Л. Н. Толстого. Тула, 2014. С. 85-86.
7. Слобожанин А. В. Опыт исследования жизни и творчества Л. Н. Толстого в экзистенциальной философии Л. И. Шестова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 7 (57). Ч. 1. С. 165-168.
8. Японская литература: исследования и материалы / отв. ред. А. Е. Глускина. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1959. 236 с.

REFLECTION OF L. N. TOLSTOY'S WORLD VIEW IN JAPANESE CULTURE AT THE TURN OF THE XIX-XX CENTURIES

Bogomazova Nataliya Leonidovna, Ph. D. in Philosophy
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
nataliyabogomazova@yandex.ru

The article analyzes the reflection of L. N. Tolstoy's world view in the context of Japanese culture at the turn of the XIX-XX centuries. The main thesis of L. N. Tolstoy's ethics "good is in the soul of each person", the doctrine about non-resistance to evil by violence, about moral self-perfection as a foundation of society transformation in combination with the uncompromising exposure of social evil turned out to be in harmony with Japanese mentality. L. N. Tolstoy's creative work is consonant with the traditions of Japanese literature, enriched it with new techniques of realistic writing, topical philosophical subject matter, and contributed to more organic fusion of the thought profoundness.

Key words and phrases: philosophy; world view; Japanese culture; Russian culture; literature; good; evil; moral; humanism; society.

УДК 347.99(571.120)(091)

Исторические науки и археология

Статья посвящена изучению кадрового обеспечения и вопросов деятельности отдельного провинциального учреждения низового уровня системы правосудия СССР на основе микроисторического подхода. В локальных условиях и узких хронологических рамках исследован один из сибирских народных судов. В результате находит доказательство мнение, что советская юстиция в 1930-х гг. находилась в расстроенном состоянии, вызванном ограниченностью возможностей государства и общественных ресурсов.

Ключевые слова и фразы: повседневность; судоустройство в СССР; народные суды; судебные работники; деятельность юстиции.

Букаринов Дмитрий Николаевич

Крестьянников Евгений Адольфович, д.и.н., доцент

Тюменский государственный университет

d.bukarinov@mail.ru; krest_e_a@mail.ru

НАРОДНЫЙ СУД ОМУТИНСКОГО РАЙОНА ОМСКОЙ ОБЛАСТИ В 1938 Г.: СОСТАВ СЛУЖАЩИХ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

На современном этапе развития исторической науки прорывы возможны, кроме прочего, за счет применения средств микроисторической детализации и изучения повседневности, позволяющих увеличивать объемы информации о все меньшем и меньшем. Изыскания в данном ключе повышают значение инструментария

антропологического подхода, понимающего академическую историю как умножение сведений «о людях во времени» [1, с. 18], вместе с тем разрешают выявлять новые проблемные узлы и пополнять багаж знаний о государстве и его институтах, в частности органах юстиции.

1938 г. стал знаковым в развитии советского правосудия: на исходе Большого террора 16 августа утверждался Закон о судостроительстве СССР, зафиксировавший принципы социалистического демократизма в данной сфере, сформулированные «сталинской» конституцией 1936 г., и закрепивший в качестве основного звена судебной системы и первой инстанции для большинства уголовных и гражданских дел народные суды [10, с. 106], которые территориально являлись самыми близкими органами правосудия к населению. Особенно к проживавшему в советской деревне, что важно в силу начала реализации доступности юстиции. Всесоюзная перепись 1939 г. показывала преобладание последнего в стране (в городах проживало 32,9% граждан), а в некоторых регионах доля деревенских жителей была существенной. Лишь 21,3% от общей численности населения составляли горожане в Омской области [2, с. 24], и, следовательно, еще более важную роль играли там местные судебные учреждения.

Народный суд Омутинского района этой области обслуживал около десяти тысяч человек, из хозяйственных единиц здесь выделялись МТС, по три совхоза и паровых мельницы, два завода, один из которых союзного значения, кроме того, в двух километрах от райцентра располагалась железнодорожная станция [5, д. 44, л. 30]. Селянам, многие из которых наверняка помнили высококвалифицированных мировых судей царского режима (Омутинская волость до революции входила в 1-й участок мировой подсудности Ялуторовского уезда Тобольской губернии [9, с. 101]), пришлось иметь дело с судейскими работниками, чей уровень образования и овладения специальными юридическими знаниями зачастую вряд ли намного превышал их собственный.

С декабря 1935 г. должность народного судьи в Омутинском районе занимал М. И. Лесников, происходивший из крестьян, в трудовом пути которого значилось батрак, разнорабочий на железнодорожной станции Вагай, бригадир, а затем бухгалтер в Вагайском совхозе. В 1932 г. был принят кандидатом в члены ВКП(б). Его образование ограничивалось сельской школой и совпартшколой первой ступени, никакой юридической подготовки он не имел [3, д. 20, л. 69]. Отсутствие правовых знаний у отправлявших правосудие людей не удивляло, и советская власть предпринимала меры к изменению ситуации, организовывая обучение малосведущих работников. В 1938 г. М. И. Лесникова отправили учиться в Омск на юридические курсы, предназначенные для совершенствования судебно-прокурорских кадров [6, д. 564, л. 56].

Его заменил А. И. Соломеин [4, д. 21, л. 7], биография которого являлась более насыщенной и яркой. Из пролетарской семьи, он поначалу шел стопами родителей, побывав прокатчиком, шахтером-забойщиком и ремонтником на железнодорожной станции. 1919 г. для него ознаменовался пересечением двух плохо совместимых жизненных линий-событий: двухнедельной мобилизацией в Белую армию и вступлением в РКП(б). Поступление в 1926 г. на иркутские юридические курсы предоставило ему шанс послужить в сфере практического правоправления: по окончании обучения наступили рабочие будни в качестве народного судьи в разных концах Сибири. В начале 1930-х гг. А. И. Соломеин поступил в Омский зоотехнический институт и в 1936 г. уже с дипломом устроился работать зоотехником, но попал под пресс партийных чисток, его исключили из партии, в чем не последнюю роль сыграло давнее кратковременное сотрудничество с неприятелем в Гражданскую войну. К счастью, репрессии не нанесли ему ощутимого ущерба. В рамках выполнения решений январского 1938 г. пленума ЦК ВКП(б) «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии» он был восстановлен в партии и тогда же переведен из специалистов по животноводству местного совхоза на должность народного судьи Омутинского района [3, д. 20, л. 67-68].

Приказом Омского областного суда и областного госнотариуса от 3 января 1938 г. в Омутинском райсуде устанавливалась штатная должность нотариуса с окладом на 25% ниже ставки народного судьи, т.е. 375 руб. против 500 руб. Подобрать кандидатуру на новое место предписывалось М. И. Лесникову, в общем, не выполнившему директиву. Достойным занять пост, по его мнению, был И. И. Волков, работавший в органах НКВД с 1924 г. и характеризовавшийся судьей как юридически подготовленный (хотя о его образовании ничего не упомянуто), но с существенным изъяном в карьере: в марте 1937 г. был судим и приговорен к одному году исправительно-трудовых работ за насильственные действия в отношении допрашиваемого. Такого кандидата не утвердили, и уже по предложению Омутинского районного исполкома заведующим нотариальным столом в июне 1938 г. назначили А. М. Гороховского, служившего ранее надзирателем в бюро исполнительных работ НКВД, а затем инструктором в Омутинской конторе заготзерно [4, д. 21, л. 37, 40, 45, 47].

На должности судебного исполнителя с 20 июня 1937 г. состоял представлявший местную крестьянскую бедноту П. Д. Агафонов, рекрутированный из Червянского сельского совета, где являлся секретарем. По словам народного судьи, исполнитель справлялся с работой хорошо, был политически выдержан, ни в чем предосудительном не замечался. Между тем в связи с этой фигурой архивные документы позволяют вскрыть еще один существенный недостаток советской юстиции – дефицит материальных ресурсов. Даже после повышения в соответствии с постановлением Экономического Совета Совнаркома СССР от 22 марта 1938 г. оклад служащего составлял всего 225 руб. в месяц. Он остро нуждался в жилой площади, поскольку, как писал 4 октября 1938 г. в Омский областной суд, «жил в варварских условиях». Однако его неоднократные прошения не удовлетворялись, и ему приходилось подумывать даже об увольнении [Там же, л. 1, 12, 23]. А. И. Соломеин также жаловался на плохие жилищные условия, но в данном случае резервы изыскались: народному судье было предоставлено две комнаты с кухней общей площадью 28 квадратных метров [6, д. 659, л. 24].

Материальная необеспеченность понижала качество работы, увеличивала текучесть и нехватку кадров. В частности, по результатам проверки финансовой деятельности того же П. Д. Агафонова в сентябре 1938 г. вскрылась недостача 344 руб. 7 коп., которая была вскоре закрыта, потому что являлась следствием неаккуратного ведения кассовой книги. Наличие «штатного голода» подтверждается образчиками примечательных карьерных траекторий. Так, в 1938 г. гражданка Т. К. Шабалдина была уборщицей омутинского суда, в 1943 г. стала его секретарем, а вскоре и судебным исполнителем (правда, в этом примере надо учитывать еще и обстоятельства военного времени) [4, д. 13, л. 78-112, д. 21, л. 8, 25].

Низкая квалификация судей и вспомогательного персонала имела следствием общий кризис советской местной юстиции. Только из-за небрежности секретарей в отдельных регионах страны срывалось до 50% дел, назначенных к рассмотрению. В 1938 г. на место репрессированного наркома юстиции Н. М. Крыленко пришел Н. М. Рычков, издавший 4 марта приказ № 21, призванный нормализовать судопроизводство в народных судах, что было труднодостижимо. О применении распоряжения современный знаток проблемы А. Я. Козинцев пишет: «Работа по реализации приказа продолжалась полтора года. С того времени начала складываться следующая практика в работе судов. В течение каждого года накапливались остатки нерассмотренных дел. В конце календарного года все работники управления наркомата юстиции союзной республики и многие работники облсудов, НКЮ республик выходили на «жатву». В ходе очередной героической «расчистки» дел, сопровождавшейся массовыми нарушениями процессуального законодательства и фальсификацией отчетов, остаток дел резко снижался, и год заканчивался «удовлетворительно». Народные суды, переполненные делами и состоявшие в основном из некомпетентных работников, накапливали остатки и участвовали в политических кампаниях, развязанных режимом. В итоге вся работа суда напоминала штурмовщину. Тем не менее руководители юстиции постепенно выстраивали систему народных судов и пытались сделать ее работу более эффективной» [7, с. 28-29].

Нарекания вызывала работа судебных исполнителей, на что обращалось особое внимание на Всесоюзном совещании органов юстиции, проходившем в Москве 1 февраля 1938 г. [8], а рецепт исправления положения содержался в указанном приказе наркома юстиции. Динамика показателей делопроизводства судебного исполнителя народного суда Омутинского района допускает усматривать, с одной стороны, присутствие некой чрезвычайщины, той самой штурмовщины в его деятельности, с другой – наличие волокиты: выборочно в мае изучаемого года числилось неоконченными 106 дел, в июне – 123, в июле – 38, в сентябре – снова 123, в ноябре же – 241. В целом по Омской области в исполнительном производстве улучшений не наблюдалось, и областное Управление Наркомюста 10 ноября 1938 г. было вынуждено констатировать, что исполнение судебных решений остается одним из слабых мест в работе народных судов [4, д. 21, л. 1-7, 10].

Разрешить проблемы юстиции не удавалось и внедрением методов социалистического соревнования, в которое по примеру вышестоящих инстанций (так, Омский областной суд с 4 марта 1938 г. соревновался с Новосибирским) включился народный суд с. Омутинского, 31 августа 1938 г. приняв вызов аналогичного учреждения из Юргинского района. Вряд ли содействовала повышению результативности труда судебного органа его обязанность устраивать выездные сессии, особенно в периоды оживления сельскохозяйственных работ. 14 сентября 1938 г. Омский облсуд распорядился подчиненным местам немедленно влиться в уборочную кампанию, оказывая всяческое содействие по своевременной уборке урожая и выполнению плана хлебозаготовок; в отношении саботажников провести показательные процессы, применяя самые суровые меры к расхитителям колхозного хлеба; привлекать к ответственности должностных лиц, способствовавших хищениям плохой постановкой учета [Там же, д. 20, л. 143, 171, д. 22, л. 19]. Судя по всему, применение подобных мер мало способствовало успеху тогдашней весенней страды, которая признавалась начальством неудовлетворительной [3, д. 3, л. 59]. Помимо собственно судейской деятельности, Омутинский народный суд занимался политпросвещением граждан и другой общественной работой, в частности, в ходе выборной кампании 1937-1938 гг. его сотрудниками было прочитано 22 доклада для избирателей, предписывалось ему организовать в сотрудничестве с прокуратурой, райисполкомом ВКП(б) и профсоюзами проработку положений нового Закона о судостроительстве СССР [4, д. 20, л. 110, 160].

Советское государство, отказавшись от принципов дореволюционного судостроительства и буржуазных специалистов-юристов, за два десятилетия своей власти не создало эффективной системы правосудия, по-прежнему находясь в поиске оптимальной модели судейской организации. Ближайшие к населению органы юстиции имели персонал с сомнительной квалификацией, а их достаточно разнообразная деятельность не была упорядоченной.

Список литературы

1. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1986. 259 с.
2. Всесоюзная перепись населения 1939 г.: основные итоги / под ред. Ю. А. Полякова. М., 1992. 256 с.
3. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. 109. Оп. 6.
4. Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. Р-542. Оп. 4.
5. Исторический архив Омской области (ИсАОО). Ф. Р-437. Оп. 6.
6. ИсАОО. Ф. Р-437. Оп. 9.
7. Козинцев А. Я. Дефекты советского уголовного судопроизводства в 30-е годы XX века // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2012. № 1 (19). С. 23-33.
8. Красное знамя. 1938. 3 февраля.
9. Памятная книжка Тобольской губернии на 1915 г. Тобольск, 1915. 158 с.
10. Семенов В. М. Суд и правосудие в СССР. М., 1976. 376 с.

PEOPLE'S COURT OF OMUTINSKOE DISTRICT
OF OMSK REGION IN 1938: STAFF AND ACTIVITY

Bukarinov Dmitrii Nikolaevich

Krest'yannikov Evgenii Adol'fovich, Doctor in History, Associate Professor

Tyumen State University

d.bukarinov@mail.ru; krest_e_a@mail.ru

The article is devoted to studying the staff and activity of a specific provincial institution of the USSR legal system's lower level on the basis of the micro-historical approach. Under the local conditions and within the narrow chronological framework the paper examines one of the Siberian people's courts. Relying on the findings the authors argue for the opinion that Soviet justice in the 1930s was in the disorganized state caused by the limitedness of governmental and non-governmental resources.

Key words and phrases: everyday life; judicial system in the USSR; people's courts; judicial workers; judicial activity.

УДК 101.1

Философские науки

Статья посвящена прояснению онтологических и гносеологических смыслов основополагающих понятий системы Иммануила Канта: вещь в себе и явление, ноумен и феномен, трансцендентальное, имманентное и трансцендентное. Автор выявляет и анализирует их значения, взаимообусловленность и границы применения в теоретической философии, обращая внимание на недопустимость трактовки кантовского учения как дуалистического, якобы соединяющего в себе «линию материализма» и «линию идеализма».

Ключевые слова и фразы: теоретическая философия; вещь в себе; явление; ноумен; феномен; трансцендентальное; имманентное; трансцендентное.

Бурханов Рафаэль Айратович, д. филос. н., профессор

Нижевартковский государственный университет

RA.NVarta@gmail.com

**ВЕЩЬ В СЕБЕ И ЯВЛЕНИЕ, НОУМЕН И ФЕНОМЕН,
ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЕ, ИММАНЕНТНОЕ И ТРАНСЦЕНДЕНТНОЕ
В ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ ИММАНУИЛА КАНТА**

Актуальность и важность рассматриваемой нами проблематики обусловлены тем, что в философских исследованиях и процессе преподавания в нашей стране до сих пор широко распространены неточные, искаженные, а иногда и просто неверные представления о важнейших понятиях теоретической философии Иммануила Канта (1724-1804 гг.). Перешедшие из официального идеологического набора прежних времен ленинские формулировки учения Канта как «дуалистического», якобы соединяющего в себе «линию материализма» и «линию идеализма», ныне выглядят плоско и архаично.

В. И. Ленин труды Канта, по-видимому, не читал. Иначе он вряд ли бы стал трактовать воззрения основоположника новоевропейского критицизма как «материалистические», хотя и в части воздействия материальных предметов – «вещей в себе» – на наши органы чувств, о чем вождь мирового пролетариата рассуждал в книге «Материализм и эмпириокритицизм» [3, с. 101, 107, 116-117, 206-207, 210]. Словно отвечая будущим искажителям своего учения, Кант ясно и недвусмысленно высказывался, что его философия есть *трансцендентальный идеализм* и, следовательно, не содержит в себе никаких материалистических положений [2, с. 121, 450-451]. Попытаемся же разобраться в онтологических и гносеологических смыслах фундаментальных понятий теоретической философии Канта: вещь в себе и явление, ноумен и феномен, трансцендентальное, имманентное и трансцендентное [1, с. 55-77].

Пожалуй, самая распространенная ошибка «знатоков» «критической философии» – смешение понятий «вещь в себе» и «ноумен». Во многих учебных пособиях и научных монографиях до сих пор можно встретить суждения о том, что, по Канту, вещи в себе или ноумены непознаваемы. При этом не уточняется, почему же «вещи в себе» суть «ноумены» и почему же они «непознаваемы», если, согласно воззрениям кенигсбергского мыслителя, такие «вещи» в принципе не являются объектами возможного опыта.

Понятие «вещь в себе» в философской традиции обозначает явления и вещи, существующие независимо от человеческого познания и практики. В теоретической философии Канта термин «вещь в себе» употребляется в нескольких значениях. Во-первых, это понятие фиксирует наличие внешних возбудителей ощущений и представлений людей, являясь символом неосвоенной и непознанной части всеобщего объекта познания и практики. В качестве материальных объектов вещи в себе аффицируют человеческую чувственность, побуждая ее к активности и появлению разных модификаций ее состояний, хотя при этом никакого процесса отражения не происходит.